

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

В.П. Казарян*

К ИСТОЛКОВАНИЮ ПРИРОДЫ ДИНАМИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ**

В статье развивается идея: центральным смыслообразующим понятием времени является понятие настоящего, которое обеспечивает непространственно-подобный смысл времени. Предлагается «настоящее» трактовать как акт (свершение, действие), имеющий социальную природу. «Настоящее» существует не как предмет, не как мысль или чувство, а как акт.

Ключевые слова: время, философия времени, действие, становление, актор, динамическое и статическое время, прошлое-настоящее-будущее, раньше-позже-одновременно, существование, теперь.

V.P. Kazaryan. The interpretation of the nature of dynamic time

The author develops the following idea: the fundamental notion of time is the notion of the Present which provides a non-space-similar sense of time. He suggests to treat “the Presents” as an act (accomplishment, action) which has a social nature. The Present exists not as an object, not as a thought or sense but as an act.

Key words: time, philosophy of time, action, formation, actor, dynamic and static time, the Past-Present-Future, earlier-later-simultaneously, existence, now.

Истолкование времени покоится на наших основополагающих ценностях. Поэтому мы не можем и мечтать о появлении концепции, являющейся единственным подлинным знанием о времени. Разнообразие позиций усиливается в связи с тем, что не только интенсивно развиваются различные области культуры, включая науку и технологии, но и изменяется их значение в жизни людей.

Известен тот факт, что с развитием точных наук и упрочением авторитета естествознания в культуре формировался диктат абстрактного научного понятия времени. Конечно, взоры долгое время были обращены преимущественно к физике, которая ис-

* Казарян Валентина Павловна — доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-13-46; *e-mail:* kazaryanvp@mail.ru

** Выполнено при частичной финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-03-00035а).

пользовала идею статического времени¹. Физическая теория игнорирует течение времени и говорит о временной упорядоченности: в ней нет «настоящего», так же как и «будущего» и «прошлого», но есть «до, одновременно, после». Конструкции времени в физике, позволяющие решать физические проблемы, заслонили собой иные истолкования времени. Конструкции эти величественны. Они явились своеобразным гимном человеческому разуму.

Но в жизни людей появляются новые важные проблемы. Новые проблемы порождают, по крайней мере, расстановку новых акцентов в нашем миропонимании. Яркий пример представляет собой принятие решений, превратившееся из обыденного явления в предмет специальных научных исследований. Эта тема обращает наше внимание на «настоящее время» как характеристику времени, ибо именно оно определяет ситуацию постановки проблемы и ее решения. Более того, здесь непосредственно и явно соприкасаются время математической теории и время человека. Эта область науки опирается на допущение, что принять решение — значит, сделать сознательный выбор и осуществить действие. Природа не выбирает и не принимает решений. Природа следует причинам. Человек же выбирает, решает, действует. Современного человека без акцентирования «настоящего времени» нельзя и помыслить.

Динамическое время через «настоящее» время дает о себе знать в практике оперирования, действий с материальными предметами реального телесного человека (а не гносеологического субъекта), живущего и действующего в культуре. Без «настоящего» мы не мыслим течение времени, его «прошлое» и «будущее». И, как обычно говорят, «настоящее» без них тоже не совсем время.

Еще более обостряется вопрос о важности «настоящего» в целостности прошлое-настоящее-будущее, если обратить взор к реалиям становящегося информационного общества. Для него характерны, с точки зрения нашей проблемы, два аспекта.

Рассмотрим первый аспект. Прежде всего бросается в глаза то, что М. Кастельс назвал понятием вневременного времени. Основу его он видит в глобальной экономике, которая способна «работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [М. Кастельс, 2000, с. 105]. Введение понятия вневременного времени покоится на аргументах о сжатии времени в современном мире. Предполагается, что временные ограничения будут все больше и больше сжиматься. Наблюдается, считает он, продвижение к вневременной культуре. Оно осуществляется посредством информации и коммуникации. Мгновенные войны еще

¹ Статическое время — время, интерпретируемое как упорядоченность «одновременно-после»; динамическое время — время, интерпретируемое как целостность «прошлое-настоящее-будущее».

более укрепляют культ вневременного времени [Ф. Уэбстер, 2004]. Делается упор на мгновенную коммуникацию. И как бы нет длительности, длениа.

Конечно, это, как кажется на первый взгляд, обычное отчужденное время, которому подчинен человек. Но в информационном обществе человек может и управлять временем, подчинять его своим интересам. Это уже не та отчужденная структура, которая поглощала его во времена индустриального общества. С одной стороны, это наследование вычисляемого времени индустриальной эпохи. С другой стороны — это ресурс, которым располагает человек. Он может, управляя им, достигать свои цели. Но в отличие от таких ресурсов, как нефть, газ, леса, океаны или воздух, время — ресурс (пока) не возобновляемый и имеющий неясную природу.

Рассмотрим второй аспект. Информационно-электронная культура побуждает человека к действию: информационные технологии являются не просто инструментом для применения, но также процессами для развития; при этом они реализуются *только* в диалоге с человеком. Этот факт принципиально важен для понимания информационной культуры. В информационной культуре человек всегда является актором², выбирающим вариант, принимающим решение и действующим. Это проявляется даже на уровне обычного пользователя Интернетом, когда тот вступает в общение с другими пользователями или с поисковой системой. Актор является обитателем не прошлого и не будущего, а настоящего. Важно обратить внимание на конкретный характер «настоящего»: это не абстрактная река времени, а всегда конкретная ситуация действия. Характеристика времени «быть настоящим» выходит из многовековой тени забвения и начинает играть первые роли и в мировоззрении в целом, и в философии времени.

Расстановка новых акцентов в формировании образа времени при решении конкретных проблем влечет за собой понижение уровня абстрактности в конструировании времени. Этот процесс происходит вместе с решением проблем человеческой жизни. Идея о том, что динамическое время является конкретным временем, высказывалась многими философами. Конкретность истолковывалась по-разному. Но, как правило, она связана была с человеком.

Выход на первый план проблем человеческого существования и его перспектив обнажил человеческое содержание именно динамического времени. Оно явилось предметом внимания антропологически ориентированных концепций времени. Исследования М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра свидетельствуют об их признании динамического времени, а вместе с ним и настоящего. При этом

² Актор — деятель; действующее лицо; лицо, принимающее решение; человек, совершающий действие.

некоторым концепциям присущ акцент на «настоящем времени». Так, М. Мерло-Понти писал: «Для меня есть время, ибо я обладаю настоящим» [*М. Мерло-Понти*, 1999, с. 536]. Важность понятия настоящего в динамическом времени подчеркивал Э. Левинас, обращая внимание на необходимость различать абстрактное время и конкретное время: «различение необходимо не потому, что одно — пространственно и гомогенно, а другое — длительность, неотделимая от своего гетерогенного содержания, всегда возобновляемая и непредсказуемая, а потому, что в абстрактном времени есть порядок мгновений, но нет центрального мгновения, того мгновения по преимуществу, каким является настоящее» [*Э. Левинас*, 2000, с. 47].

Концепция динамического времени породила проблему объективности становления как основы непространственно-подобных свойств времени. Проблема становления имеет долгую историю. Она неоднократно обсуждалась в литературе. Наиболее яркое решение ее — это признание субъективности становления. Ключевая фигура здесь Бертран Рассел [*B. Russell*, 1915]. Затем довольно подробно писал об этом А. Грюнбаум [*A. Грюнбаум*, 1969]. Конечно, основная аргументация идет от Мак-Таггеровского выделения двух временных языков [*J.E. Mc Taggart*, 1908, vol. 17, p. 457—474]. Встает первый вопрос: чем различаются статический и динамический языки, что один дает нового по сравнению с другим? Другой вопрос — это вопрос об их онтологическом статусе и влияние его решения на ответ по первому вопросу.

Аналитические философы и логики детально исследовали возможности этих языков [*A.N. Prior*, 1968; *R. Gale*, 1968; *The philosophy of time*, 1968; *L. Sklar*, 1974]. Их интересовал вопрос: сводимы ли динамический и статический язык друг к другу? Если сводимы, то какой из них в этом случае является фундаментальным; если несводимы, то они взаимно независимы, и что это означает для философии времени? При этом одно из центральных мест в дискуссии занимала проблема соотношения утверждений о прошлом и будущем. При этом в одних случаях прошлое и будущее принимались эквивалентными раньше и позже. В других же учитывался их различный онтологический статус как уже несуществующего и еще несуществующего. В наше время нет ясности, определенности или консенсуса в ответе в этом контексте на вопрос об онтологическом статусе становления [*А.А. Ивин*, 1969; *Ю.Б. Молчанов*, 1977; *В.П. Казарян*, 1980; *А.М. Анисов*, 1999; *С.В. Дзюба*, 2003, с. 23—30]. Не является ли становление иллюзией человеческого ума? До сих пор идея таинственности времени смущает исследователей. Почему-то никогда не вставал вопрос о том, существует или не существует временной порядок. Таинственным видится только процесс становления в форме: существует ли течение времени, или,

другими словами, объективно ли становление. Почему не происходит все сразу? Что это такое «вчера-сегодня-завтра... нас проникающее?», — как вопрошал В.И. Вернадский [*В.И. Вернадский*, 1932].

Сложность проблемы связана, по крайней мере, с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что интерпретация времени сильно завязана на метафизику, на исходные принципы истолкования мира, а также через ценности — с математикой и измерением. Груз ценностей, который влачит на себе интерпретация времени, всегда тянул исследователей «на дно» и был гирей на мыслительном процессе исследователя. Потому-то не слишком велико интеллектуальное продвижение в философии времени. Сколько мировоззрений — столько и концепций времени, и каждая концепция служит своему мировоззрению, а не проникновению в суть времени самого по себе. Его суть, сущность уже заданы мировоззрением. Такое положение дел в теоретическом знании естественно: смысл каждого понятия задается концептуальным каркасом теории, будь это философия, теология, физика, химия, и т.д. Можно ли сделать время предметом исследования самого по себе, а не так, как это всегда было и в физике, и в философии, — это вопрос вопросов. Во-вторых, сложность связана с тем, что смысл временных понятий содержит сильную неопределенность, и без постепенного снятия хотя бы частично неопределенности прогресс невозможен. Если статический язык оказался подходящим для применения математики в силу генетической связи его со счетом и измерением, то динамический язык формировался для других целей — мировоззренческих, в силу чего глубоко вошел в естественные языки [см., например: *Л.П. Ильева, С.Д. Ильев, В.П. Казарян*, 2011] и пронизывает все мышление человека. Это, вообще говоря, затрудняет разговор о времени, ибо сам язык содержит уже его в себе.

Но при анализе динамического языка, как правило, речь шла о прошедшем и будущем, «настоящее» же выпадало из обсуждения. И не случайно. Так, например, Дж. Уитроу приходит к выводу: «...становится очевидным, что из традиционных подразделений времени настоящее является наиболее сложным» [*Дж. Уитроу*, 1964, с. 399]. Нет внутреннего для физической теории критерия, позволяющего выделить точку как «настоящее», а относительно нее «прошлое» и «будущее». Хорошо понимали это известные исследователи времени в науке Г. Рейхенбах и Р. Карнап. Они оставили неразработанным понятие настоящего, указав на то, что «настоящее» требует выхода за пределы теории к самой природе: «настоящее» — «это когда индетерминированное становится детерминированным» [*Г. Рейхенбах*, 1962, с. 357]. Точные науки пользуются количественными понятиями и математическими концепциями, и потому используют статическое время. Они не используют понятие

настоящего. Но не только философское исследование времени в фундаментальных естественных науках, но и в истории [*И.М. Савельева, А.В. Поляев, 1997*], оставляет «настоящее», признаваемое важным проявлением времени, непроясненным.

Обратимся к анализу некоторых аспектов истолкования «настоящего», встречающихся в философии времени:

- 1) измерение продолжительности «настоящего»;
- 2) взаимоотношение понятий «настоящее» и «существование»;
- 3) «настоящее» и одновременность;
- 4) «настоящее» и «теперь».

1. Прежде всего попытаемся ответить на вопрос: можно ли измерить длительность «настоящего» и можно ли говорить о его мимолетности?

Как известно, время Бергсона не может быть временем ученого. Это подчеркивал еще А. Пуанкаре, утверждая, что ученый время опространствует: «...я имею в виду не время, как его понимают ученики Бергсона, не ту длительность, которая не является чистым количеством, лишенным всякого качества, но которая является, так сказать, самим качеством, длительность, различные части которой, взаимно проникая друг в друга, качественно друг от друга отличаются. Эта длительность не могла бы быть инструментом ученого; она могла бы стать им, лишь подвергнувшись коренному преобразованию, лишь «опространтившись», как говорит Бергсон. Действительно, необходимо, чтобы она стала измеримой; то, что недоступно измерению, не может быть и объектом науки» [*А. Пуанкаре, 1983, с. 423*].

Измерение дает количественное значение измеряемой величины. Гете в свое время писал, что математика прекрасна, когда ее применяют на своем месте. Но не все в мире может быть вычислено: «...никому не придет в голову низко оценивать заслугу математиков, которую они приобретают перед миром: все, что в высшем смысле подвластно числу и мере, они умеют упорядочить, определить, вычислить. Каждый мыслящий человек, взглянув на свой календарь, посмотрев на свои часы, вспомнит тех, кому он обязан этими благодеяниями. Но если почтительно предоставить им (математикам) господствовать во времени и пространстве, то математики должны признать, что мы замечаем нечто далеко их превышающее, принадлежащее всем людям, нечто, без чего сами они не могли бы ступить и шагу: идею и любовь» [*И. Гете, 1964, с. 292*]. К ним будет справедливо добавить «настоящее». Очевидно, что его нельзя измерить и вычислить. Ведь если мы хотим измерить время, мы должны освободиться от его течения, от динамического языка; должны перейти на статический язык. Если же мы перешли на статический язык, то это означает, что мы тем самым не можем

говорить о «настоящем», ибо такого термина в этом языке нет. Слово же «мимолетность» есть не что иное, как образное выражение кратковременности «настоящего», т.е. его количественной оценки. Следовательно, выражение «мимолетность настоящего» не имеет смысла. Если это учесть, то приходится отказываться от идеи «таинственности времени». Статус «настоящего» имеет какую-то другую природу, не количественную.

Полезно обратить внимание на тот факт, что в философии времени никогда не говорили о таинственности временного порядка, статического времени. И лишь динамическое время сопровождалось таинственностью. При этом загадка (или недоразумение) дополняется тезисом: настоящее характеризуется свойством мимолетности. Но при этом очевидно, что это не так: мы всегда живем в настоящем, и оно никуда от нас не исчезает. Эта очевидность имеет характер фактической очевидности, с которой мы не можем не считаться.

Известная особенность образа (истолкования) времени — наличие часов. При этом условием измерения является признание наличия временной реки, ленты, универсальных часов. Идея равномерного движения непрерывной ленты как образа времени — условие любого измерения. Осмысленность этой максимы можно проиллюстрировать и на примере науки истории. Когда историк составляет хронологию, летопись исторических событий, он низывает их на ленту времени. Он никогда не выбрасывает, не вырезает тот кусок времени, для которого у него нет событий. Он считает, что есть неполнота летописи, но не излишек ленты времени. Пусть лучше будет разрыв в истории, чем разрыв во времени.

Вспомним, что для трактовки времени и Аристотель, и Августин неявно использовали элементы будущей теории измерения. В частности для них бегущая река времени представлялась непрерывной, ибо иных представлений, т.е. дискретной математики, тогда не было в Европе. Континуальное мышление надолго вошло в плоть и кровь европейского мышления. В силу континуальности математического по своему стилю мышления появился, в частности, и упомянутый ранее парадокс таинственности времени: будущего еще нет, прошлого уже нет, настоящее стягивается в точку, т.е. его тоже нет. Как может существовать, то, что состоит из несуществующих частей! Этот парадокс был сформулирован на динамическом временном языке. Но такое представление времени, претендующее на количественную оценку-измерение настоящего времени, корректно можно делать только на статическом временном языке, но никак не на динамическом. В XX в. стало очевидным, что для измерения времени можно использовать только статический язык. Речи о «настоящем» при этом не может идти. Другими словами,

в разговоре о таинственности времени были спутаны два разных временных языка: вопрос был сформулирован на динамическом языке, а ответ — на статическом.

2. Рассмотрим взаимоотношение понятий «настоящее» и «существование».

Динамическое время — это целостность, включающая в себя и прошлое, и настоящее, и будущее.

Если время — целостность, то в каком смысле? Взаимное проникновение прошлого, настоящего, будущего? Но настоящее не содержится ни в прошлом, ни в будущем. А они не содержатся в нем. Что же делает их целостностью? То, что определяются друг относительно друга — а на каком основании? Может быть, время — это «настоящее», это время жизни вселенной или чего-то другого. Только «настоящее»? Оно всегда есть, а не мимолетно. «Настоящее есть» — очевидность (скорее асерторическая, чем аподиктическая). Она тождественна утверждениям: «Я есть», «Мир есть», «Люди есть». Вместе с тем все, на что бы мы ни указали, является «настоящим», и нет возможности отличить его от «ненастоящего». Это вносит какую-то ущербность в такое определение «настоящего». Только ли проблема онтологического существования оказывается важной для истолкования времени? Ведь для определения «прошлого, настоящего, будущего» недостаточно указать на статус их онтологического существования [И.М. Савельева, А.В. Полетаев, 1997; Они же, 2008].

Понятия «существовать сейчас» и «быть настоящим» сопряжены между собой. Быть настоящим — значит, длиться, существовать. Но если сказать, что А является настоящим, будет ли это означать, что мы ввели представление о времени? Видимо, еще нет. Ведь время подразумевает еще и прошлое, и будущее. Прошлое и будущее, в отличие от настоящего, не существуют сами по себе. Прошлое — это следы, оставшиеся в А. Будущее — это мысль о грядущем. Чтобы сказать, что А является настоящим, нужно, например, ввести историю. Именно историю, а не хронологию. Возможно, что историю человеческую. В интересах человека дифференцировать настоящее и будущее — то, что является предметом его намерения или мечты, дифференцировать настоящее и прошлое — то, что уже преодолено. Прошлое и будущее — это не только то, что не существует, но это и *иное*, чем настоящее. Если прошлое, будущее, настоящее — это одинаковое, то достаточно говорить о временном порядке, о принципе актуализма, но не о динамическом времени и не о принципе историзма. Другими словами, определить «настоящее» только как то, что существует, будет недостаточно.

Вспомним о том, что Э. Левинас обратил внимание на необходимость проводить различие между тем, что существует, и самим

существованием-событием или актом существования. Это особенно важно для истолкования «настоящего». Ведь время — это не вещь, которая или существует или не существует. В том случае, когда мы говорим: «настоящее» — это то, что существует, мы еще не указываем при этом на акт существования. Время же, как текущее, как динамическое время, понимается как становление, переход от небытия к бытию, как свершение, т.е. как акт, как событие, как действие. Если мы говорим, что время существует, то это означает, что нечто случается, происходит. Об этом мы говорим, когда употребляем слова: «изменение во времени» (а не изменение в пространстве). Если свершается некоторое действие, происходит событие, то это означает осуществление «настоящего». Существование, наличие «настоящего» представляет собой факт свершения, факт действия, факт акта.

Современная социология положила в основу понимания и истолкования человеческой жизни человека, совершающего социальное действие — актора. Основой социальной реальности выступает человеческое действие. Трактовка человека как действующего, совершающего простое или сложное действие, как актора позволяет осознать, что время человеческой жизни есть непременно время динамическое. Только оно позволяет понять человека как актора. Его действие творит «настоящее» и является «настоящим». Это «настоящее» есть всегда, по крайней мере, пока есть человеческая жизнь. И это «настоящее» не является субъективистским по характеру, не является произволом. Оно интерсубъективно, объективно или, другими словами, проявляется в действии, в свершении. Этот подход позволяет утверждать, что в человеческой жизни содержится «настоящее», причем как одно из фундаментальных ее проявлений. Это отличает ее от мира теоретической физики, от знания вообще. Третий мир не нуждается в текущем времени. Другое дело, если мы обратимся к науке как человеческой деятельности. Если рассматривать науку не только как знание, а как деятельность человека по производству научного знания, тогда вместе с действиями ученого в науку входит «настоящее», а вместе с ним и динамическое время. В этом случае мы не находим никакого противоречия между наукой и человеческой жизнью с точки зрения проявления в них динамического и статического времени.

Мы выделили «настоящее» как центральное в истолковании динамического времени. Но если мы, как это было отмечено выше, сказали «настоящее», то оно еще не стало временем, ибо его нужно связать с «прошлым» и «будущим». Это возможно, если обратиться к временной структуре действия. Социология показала: действие человека-актора всегда есть социальное действие. В структуре действия «настоящее» связано с «будущим», по крайней мере,

через цель действия. И в этом смысле можно употребить метафору: «настоящее» открыто к «будущему». В структуре действия есть будущее — намерение, цель действия; настоящее — волеизъявление, т.е. свершение действия. Действие, активность человека, происходящая в «настоящем», подразумевает «будущее». Это означает, что «настоящее» и «будущее» связаны в единство в действии человека. Мы можем утверждать, что «настоящее» и «будущее» неизбежно являются компонентами человеческого действия. А где же аккумулировано «прошлое» в действии? Видимо, в ситуации действия. В результате можно принять идею: человеческое действие обеспечивает реальность динамического времени.

В чем же заключается причина того, что исчезает из поля зрения *акт* существования, событие свершения — «настоящее», а видится только абстрактный, т.е. безразличный к человеку порядок минут? Видимо, это обстоятельство выражает результат восприятия мира человеком индустриального общества, жизнь которого регулируется публичным временем да процессами отчуждения.

3. Разведем по смыслу понятия «настоящее» и «одновременность». Это есть еще одна иллюстрация трудности в определении настоящего. Известно, что в философии времени был развит знакореклексивный анализ, в частности Б. Расселом [B. Russel, 1915, vol. 24, p. 212—233]. Он представляет собой попытку определить «настоящее»: «настоящее» — это то, что «одновременно» со знаком, то, что есть ни «до», ни «после». В этой процедуре присутствуют свои сложности и непроясненности.

Первое затруднение заключается в том, что настоящее нельзя измерить, поскольку при измерении приходится переходить на статический язык. При этом «настоящее» исчезает. Не случайно, видимо, сторонники знакореклексивного анализа считали более уместным говорить больше о «теперь», чем о «настоящем».

Второе затруднение касается трактовки понятия знака в этой ситуации. «Настоящее» требует обращения к свершению какого-либо знака человеком. Этот факт наводил на мысль о субъективном характере «настоящего». Из этого следовал субъективный характер «прошлого», и «будущего», субъективный характер становления. Вспомним образ мира, нарисованный Расселом, в котором становление является субъективным. Есть порядок моментов 1, 2, 3... Это статическое время, которое объективно существует в мире. Моменты соответствуют номерам домов, расположенных по улице один рядом с другим: № 1, № 2, № 3... Вот человек. Человек с фонариком идет ночью вдоль улицы и высвечивает номера домов. В круге света они появляются и исчезают — это и есть становление, т.е. течение времени. Это, говорит Рассел, и есть субъективность

становления: один дом уже прошлый относительно света фонарика — человека, другой — настоящий и впереди — будущий.

Вместе с тем свершение человеком какого-либо знака является действием. Действие же человека всегда есть действие для другого и является социальным действием. В таком случае действие человека (будь то произнесение звука, написание буквы, поднятие руки и тому подобное) является интерсубъективным. Оно не может быть расценено как имеющее субъективистский характер. В таком случае и «настоящее», определенное относительно действия человека, имеет не субъективистский характер, а объективистский, и не может идти речи о какой-либо иллюзорности «настоящего, прошлого, будущего». Для всех людей выделяется в практическом действии «настоящее». Для любого человека как представителя человечества «настоящее» является объективистским, существующим и интерсубъективным. Человек действует — это означает, что есть «настоящее». Он действует всегда в «настоящем», но не в «прошлом» и не в «будущем». Другими словами, «настоящее» имеет статус объективно, т.е. интерсубъективно, существующего. Для человечества, пока оно существует, есть «настоящее», а вместе с ним и «прошлое» и «будущее». Другое дело, что речь идет о сфере человеческой жизни, а не о мире, где нет человека. В мире без человечества, возможно, нет «настоящего, прошедшего, будущего», но есть временной порядок «раньше, позже, одновременно».

Динамическое время часто связывается с психологической активностью человека или с актуализацией состояний в природе. Другие настаивают на объективном характере прошлого-настоящего-будущего как характеристике любого, всякого, процесса. И прежде всего при этом во внимание принимаются природные процессы. Эта позиция сталкивается с традиционной проблемой: как выразить различие изменений явления в пространстве и изменений явления во времени, как сопоставить процесс изменения в пространстве с фактом, что нечто случается, происходит: изменение окраски по длине стены есть изменение, но оно не есть изменение во времени. Позиция, которую пытается аргументировать эта статья, заключается в том, что природа «настоящего» заключается в человеческом действии, и «настоящее» объективно относительно жизни человечества. «Настоящее» выделяется посредством практического действия и существует не как предмет, не как мысль или чувство, а как акт.

Короче говоря, давний вопрос о существовании или несуществовании временного становления, или, другими словами, «настоящего», т.е. течения времени, временного потока, справедливо решить положительно для жизни человечества. Человеческое действие производит «настоящее» и осуществляется в нем.

Казалось бы, тривиальный факт, и незачем копыя ломать. Но следует отметить, что, во-первых, этот факт не распространяется на весь универсум (ибо это требовало бы другой аргументации). Во-вторых, он позволяет принять без драматизма факт опространствования времени в физических теориях, ибо физическая теория является результатом человеческой исследовательской деятельности, а она в свою очередь проявляет этот временной срез в материальной предметной экспериментальной деятельности, и «настоящее» не чуждо физике. Если науку физику рассматривать как вид человеческой деятельности, как элемент культуры, то время остается динамическим, а статическое время физической теории имеет отношение к описанию природы, для которой достаточно временного порядка. В результате теоретическая физика не вываливается из культуры, не противостоит ей, не разрывает ее. В-третьих, мы успокоимся насчет объективного существования прошлого-настоящего-будущего в жизни человека.

Итак, знакореклексивный анализ «настоящего» позволяет подойти к идее, что «настоящее» является результатом человеческого действия, будь это событие произнесением звука, написанием буквы, бросанием взгляда, жестом и т.п. Как показано в современной социологии, человеческое действие является социальным действием, оно направлено на другого, совершено для другого и в условиях существования другого. Действие имеет не только и не столько индивидуальную психологическую природу, сколько социальную. Основой социальной реальности являются человеческие действия. Социальный характер действия обуславливает социальную природу знако-рефлексивного определения «настоящего». Это в свою очередь означает, что человеческая социальная жизнь порождает интерсубъективное «настоящее». Оно объективно для каждого человека, и для каждого время течет, являясь неотъемлемым компонентом его жизни — действия. Наличие становления необходимо для понимания человеческой деятельности. Не случайно о понятии настоящего заговорили тогда, когда в центре внимания всей культуры оказался реально действующий агент — человек, актер. Человек принимает решение и действует. Факт свершения действия есть «настоящее».

4. Необходимо разобраться с взаимоотношением слов: «настоящее» и «теперь».

Прежде чем обсуждать соотношение понятий «настоящее» и «теперь», напомним, во-первых, что слово «одновременно» принадлежит статическому языку временного порядка и не имеет отношения к динамическому языку, во-вторых, что Аристотель почти не употребляет слово «настоящее», в отличие от слов «прошлое» и «будущее» как означающих «до» и «после» чего-либо. Но человек,

а скорее и вселенная, мир у него действующие, целеустремленные. То есть будущее признается как нечто, еще не осуществленное. Это означает динамическое время. Динамическое время присутствует, но с редким выделением настоящего как такового. Известно его описание времени как числа движения «до» и «после»: «Время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [Аристотель, 1978, т. 3, гл. XI, 219b].

Слово «теперь», как и слово «здесь», является знакореклексивным понятием. Оно относительно к ситуации, в которой актер совершает свое действие. Какой смысл вкладывается обычно в слово «теперь»? Это слово употребляется в ситуации, когда речь идет о человеке, его поведении и действии. Прежде всего нужно признать факт различия ситуаций (или контекстов), в которых присутствует время и в которых используются слова «настоящее» и «теперь». Одна ситуация, когда явно или неявно речь идет о действии, активности, свершаемой человеком. Другая ситуация — когда предметом исследования выступает мир, вселенная, космос, т.е. когда время входит в модель мировоззренческого плана. Третья ситуация — когда требуется соотнести время действия с часами, когда нужна хронология.

В третьей ситуации конкретное «теперь» перемещается по шкале абстрактного времени и создает впечатление мимолетности «теперь». Человек должен совершить действие в положенное время, именно «теперь», не раньше и не позже — действие должно быть уместным, чтобы не потерять свой смысл. Действие человека передвигается по шкале абстрактного времени (теперь-теперь-теперь...), но всегда свершается в настоящем. В этом заключается причина различия двух слов, относящихся к ориентации во времени, «теперь» и «настоящее».

Становится очевидным, что «настоящее» и «теперь» являются не тождественными по смыслу словами. Нетождественность проявляется, по крайней мере, в следующем.

1. Когда говорят о «теперь», всегда имеют в виду, что оно мимолетно, и время представляется как череда сменяющихся «теперь»: теперь-теперь-теперь-теперь...

2. Длительность мимолетности при этом никогда не указывается.

3. Представляется очевидным, что это так. Самоочевидность характеризует предпосылку нашего понимания мира.

4. Такая трактовка «теперь» хорошо укладывается в знакореклексивный анализ, это знакореклексивное слово. Но при этом надо вспомнить, что в знакореклексивном анализе считается уже известным значение слова «одновременно», т.е. статическое время. «Теперь» покоится на статической концепции времени и является ее продолжением.

5. «Теперь» не концептуализировано, хотя это слово употреблял еще Аристотель. Интересно заметить, что даже у Гуссерля с его структурой времени ретенция-теперь-потенция «теперь» не выполняет функции «настоящего».

6. В определенных контекстах слово «теперь» заменяется на слово «настоящее». Когда говорят «настоящее», имеют в виду динамическое время. Если важно подчеркнуть течение времени, то уместно понятие «настоящее». Если интересует только пробежка по порядку моментов и их чередование, т.е. хронология на базе публичного времени, то достаточно указать «теперь».

Итог: «теперь» и «настоящее» не совпадают по смыслу. «Настоящее» является неколичественной характеристикой факта свершения события (нечто свершилось, случилось, произошло). «Теперь» служит для хронологической (количественной) оценки свершения действия. «Настоящее» постоянно, «теперь» мимолетно. Слово «настоящее» оказывается неподходящим словом в контексте количественно сформулированной ситуации. И это понятно, ибо чтобы измерить время, надо его лишить течения, т.е. «настоящего», и представить как порядок, в котором нет «настоящего». «Теперь» можно измерить. Такую двойственность ситуации, видимо, чувствовали мыслители и избегали употребления слова «настоящее», когда речь шла о вычислении времени. В языке же сформировались неколичественные средства, позволяющие осмысленно говорить о течении времени.

Анализ указанных выше четырех аспектов в истолковании «настоящего» позволяет, с одной стороны, окончательно вывести понятие настоящего из предмета количественных оценок, а с другой стороны, трактовать «настоящее» как факт социального действия субъекта-актора. Возможно, есть основания для того, чтобы тот особый локус для времени, помимо бытия и мысли, который интересует Г. Гюнтера, представить как свершение действия [см.: *Л.Н. Любинская, С.В. Лепилин*, 2002, гл. 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисов А.М.* Время и компьютер: Негеометрический образ времени. М., 1991.
- Аристотель.* Физика // Аристотель: Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 3.
- Вернадский В.И.* Проблема времени в современной науке // Известия АН СССР. Отделение математических и естественных наук. 1932. № 4.
- Гете И.* Избр. филос. произв. М., 1964.
- Грюнбаум А.* Философские проблемы пространства и времени. М., 1969.
- Дзюба С.В.* Время и изменение: парадокс Д.Э. Мак-Таггарта // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Вып. XXIII. М., 2003.

- Ивин А.А.* Логические теории времени // Вопросы философии. 1969.
- Казарян В.П.* Понятие времени в структуре научного знания. М., 1980.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000.
- Левинас Э.* Избранное: Тотальность и бесконечное. М., 2000.
- Любинская Л.Н., С.В. Лепилин.* Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. М., 2002.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
- Молчанов Ю.Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977.
- Пуанкаре А.* О науке. М., 1983.
- Рейхенбах Г.* Направление времени. М., 1962.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: В поисках утраченного. М., 1997.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. М., 2008.
- Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М., 1964.
- Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
- Gale R.* The language of time. L., 1968.
- Sklar L.* Space, time, and spacetime. L., 1974.
- Mc Taggart J.E.* The unreality of time // Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy. 1908. Vol. 17.
- The philosophy of time: A collection of essays. L., 1968.
- Prior A.N.* Papers on time and tense. Oxford, 1968.
- Russell B.* On experience of time // Monist. 1915. Vol. 24.